

Шэнь Цинжань уставился на этот кусок древесного корня. Он приоткрыл рот и, зажмурившись, уже собирался отправить его внутрь, как вдруг его запястье крепко перехватили, а на плечи опустился теплый плащ.

Корень в его руке бесследно исчез. Шэнь Цинжань открыл глаза и увидел сгущающиеся сумерки, а также глаза Сюэ Фэйфэна — еще более темные, чем само небо.

У подножия горы, там, где заканчивалась великая река, вдруг взмыли в небо прекрасные фейерверки. Вершина горы наполовину скрывала этот звездный дождь, но грохот, эхом разносившийся по долине, захватывал дух даже сильнее, чем вспышки красок.

Ошеломленный Шэнь Цинжань позволил Сюэ Фэйфэну заключить себя в крепкие объятия. Он моргнул, глядя на редкие вспышки фейерверков вдалеке, и вдруг почувствовал растерянность. Казалось, будто между ним и Сюэ Фэйфэном никогда и не было той лжи с переодеванием в женщину, будто он все еще оставался его «женушкой».

— Цинжань, прости меня, — Сюэ Фэйфэн обнимал худощавого Шэнь Цинжаня. Казалось, за то недолгое время, что они не виделись, он стал еще худее. — Я был не прав, мне не стоило так быстро уходить.

Шэнь Цинжань окончательно растерялся: с чего это вдруг Сюэ Фэйфэн извиняется перед ним?

— Мы идем домой, — Сюэ Фэйфэн помог Шэнь Цинжаню подняться. Из-за полного упадка сил тот почти всем телом опирался на него.

Шэнь Цинжань резко замер и слегка напряг локоть. Усилие было слабым, но достаточным, чтобы Сюэ Фэйфэн почувствовал его отказ.

Он не мог вернуться с Сюэ Фэйфэном. Раз уж его личность раскрыта — из гордости ли, из упрямства ли, — но он ни за что не наденет женское платье снова. А если он вернется с Сюэ Фэйфэном в деревню Лицзяцунь в таком виде, как они объяснят это чужакам?

Скажут, что Сюэ Фэйфэн ослеп и взял в жены мужчину? Что они были женаты несколько месяцев, но так и не разделили ложе, а спустя пару месяцев он наконец обнаружил правду?

Или скажут, что жена Сюэ Фэйфэна сбежала с другим, а он в гневе схватил младшего деверя семьи Шэнь, чтобы тот стал заменой?

Шэнь Цинжань прикрыл глаза. Он уже представлял, как сплетницы в полях будут перемывать косточки Сюэ Фэйфэну: либо насмехаться над тем, что ему наставили рога, либо строить догадки о его мужской несостоятельности.

Из-за него Сюэ Фэйфэн и так вынес слишком много насмешек. Раньше тот молча терпел всё ради своей «женушки», но теперь, когда эта «женушка» в одночасье стала мужчиной, как Шэнь Цинжань мог позволить Сюэ Фэйфэну и дальше быть всеобщим посмешищем?

Шэнь Цинжань схватился за рукав Сюэ Фэйфэна, скользая взглядом по его волевым, суровым чертам лица. Этот человек перед ним всегда шел на компромисс первым. Чем он заслужил право занимать место его жены?

— Я не могу пойти с тобой.

Вспомнив свой финал в оригинальном сюжете книги, Шэнь Цинжань вдруг ощутил абсурдность

происходящего, словно во всем этом крылся некий высший промысел.

— Просто скажи всем, что я съел ядовитый дикий гриб у дороги и умер. И что ты похоронил меня на месте. Прости, что так долго отнимал твое время. Деньги я тебе все равно верну.

В горах резко похолодало.

— Что ты несешь?

Сюэ Фэйфэн вспомнил их прошлую ссору на горной тропе: Шэнь Цинжань не позволил ему осмотреть рану на животе, а на следующий день он вышел из пещеры и не стал дожидаться Шэнь Цинжана. Тогда он еще был хромым, и Шэнь Цинжань не смог его догнать. А потом, вернувшись домой, Шэнь Цинжань даже не зашел в дом — привязал ослиную повозку на заднем дворе и сбежал.

Сюэ Фэйфэн прикрыл глаза. Та же самая горная тропа, и он снова шагнул широким шагом, не обращая внимания на Шэнь Цинжана. А ведь когда-то он, как полководец стотысячной армии, анализировал слабости врага, обобщал боевой опыт и, казалось бы, с трудом одерживал победу малыми силами, хотя на самом деле всё было тщательно спланировано.

Так почему же, столкнувшись с Шэнь Цинжанем, он снова совершил ту же непростительную ошибку?!

Полный провал.

Шэнь Цинжань отстранил Сюэ Фэйфэна, оставив нож для колки дров Хуан Я для самозащиты. Он потянул за собой глупую собаку, привязанную под деревом, сделал два шага, почесал затылок и спросил:

— Разве мы не пойдем вместе?

Он боялся, что снова заблудится, если пойдет один.

Сюэ Фэйфэн вдруг шагнул вперед, властно вырвал из его рук собачий поводок и привязал его к своему мечу на поясе. Затем он присел перед Шэнь Цинжанем, завел руки назад, подхватил его под колени и закинул себе на спину.

Шэнь Цинжань выглядел так, будто упадет в обморок от усталости через пару шагов. Как Сюэ Фэйфэн мог позволить ему идти самому? Проклиная себя за то, что не захватил с собой еды, он подло и злобно пригрозил:

— Разорил осиное гнездо и думаешь просто уйти? Ни за что.

— И-и чего же ты хочешь? — в панике спросил Шэнь Цинжань.

Сюэ Фэйфэн ответил:

— Из-за тебя я лишился жены, так что ты должен возместить мне ущерб.

Шэнь Цинжань автоматически истолковал это так: ему придется вкалывать на Сюэ Фэйфэна, словно волю или лошади, пока тот не найдет себе новую жену.

Ну, тоже вариант.

Шэнь Цинжань спросил:

— А если деревенские спросят, что тогда? Я больше не хочу притворяться немым.

— Скажем, что мне нравятся мужчины и я сделал это нарочно. Больше скрывать не хочу, и пусть только кто-нибудь посмеет возразить, — брови Сюэ Фэйфэна сурово сошлись на переносице. Да хоть сам император будет против — ему плевать. — Шэнь Цинжань, во всем нужно идти до конца. Ты разрушил мой брак и водил меня за нос, теперь ты виновен. Без моего кивка ты ни на шаг от меня не отойдешь.

Великому генералу с трудом давались угрожающие слова. Он пытался силой удержать Шэнь Цинжаня рядом, но в то же время нервничал, боясь его напугать.

Шэнь Цинжань медленно положил руки на плечи Сюэ Фэйфэна, а затем незаметно обвил его шею крепче. На каменистой горной тропе немного трясло, а из-за своры собак Сюэ Фэйфэн не мог использовать искусство легкого шага и лишь старался нести Шэнь Цинжаня как можно ровнее.

Впервые Шэнь Цинжань мог спокойно прижаться к спине Сюэ Фэйфэна, ощущая его широкие плечи и сильные руки, не опасаясь каждую секунду, что какая-то странность его тела вызовет подозрения.

Он безбоязненно обнимал Сюэ Фэйфэна, и ему больше не нужно было выставлять локти между ними, чтобы скрыть свой пол. Измученный усталостью и голодом, Шэнь Цинжань постепенно закрыл глаза и уснул прямо на спине Сюэ Фэйфэна.

Сюэ Фэйфэн, суровый лишь снаружи, все еще ждал ответа. Лишь спустя долгое время он услышал легкое, едва уловимое «ага», за которым последовало ровное, спокойное дыхание.

Он с улыбкой покачал головой. То ли он сам обычно был настолько безобидным, что Шэнь Цинжань ни капли его не боялся, то ли Шэнь Цинжань был до того беспечным, что даже когда его силой принуждали стать чьей-то «женой», ничуть не паниковал.

Взошли звезды и луна, выпала роса. Над рекой закружились крошечные светлячки, сияя ярче, чем фонари на реке Лян.

«Второго раза не будет», — поклялся Сюэ Фэйфэн.

Он хотел показать Шэнь Цинжаню райские кущи и красоты процветающего мира, а вовсе не свою спину, удаляющуюся в гнев.

...

Взошло солнце. Хуан Я, протирая глаза, села на старой ветхой кровати и по привычке направила на кухню варить дикie травы.

Сегодня ей нужно было собрать еще больше съедобных трав, чтобы старший братец мог взять их с собой в дорогу.

Вдруг в соломенной хижине обнаружили десять цзиней риса и смолотая мука, белая, как свежавыпавший снег. Не веря своим глазам, Хуан Я потеряла их и разбудила дедушку:

— Дедушка, смотри!

Старик, проживший долгую жизнь, тоже был немало удивлен. Он никогда не видел риса с такими крупными зернами и муки такого тонкого помола. Одно лишь зрелище заставляло вообразить, как нежно они таяли бы во рту. Он вспомнил молодого человека, появившегося вчера вечером, который выглядел как молодой господин, попавший в беду. Когда Хуан Я подала ему дикие травы, старик не упустил из виду глубокое изумление в глазах Шэнь Цинжана. Словно небожитель, не вкушающий мирской пищи.

Повинуясь внезапной догадке, он вместе с Хуан Я вышел на улицу. Они увидели, что на берегу реки высажено множество фруктовых деревьев, больших и малых, с крепкими стволами и уже завершенной прививкой. А в тени деревьев из-под слоя опавших листьев выглядывали светлые шляпки нежных белых грибов, выстроившихся в длинный ряд. Покрытые капельками росы, они дышали жизнью.

У камня лежал новенький нож для колки дров, а вокруг виднелись следы вскопанной земли, как если бы милосердное и сострадательное божество спустилось ночью, чтобы одарить землю семенами пяти злаков.

— Персиковые деревья, грушевые, шелковица, черные бобы, соя, маш... — в земле все еще виднелись не до конца присыпанные семена.

— Дедушка, он небожитель? — спросила Хуан Я, указывая на три персиковых дерева в половину человеческого роста у дома. — Вчера он спросил, что я люблю есть, и я ответила, что люблю большие персики.

Сухая, потрескавшаяся ладонь старика погладила внучку по голове:

— Наверное. Дедушка тоже впервые видит бессмертного.

Хуан Я подняла голову:

— Тогда с сегодняшнего дня дедушка будет хорошо кушать? У нас ведь все будет становиться только лучше.

Под полным надежды взглядом внучки старик едва заметно кивнул. Посмотрев на нож у камня, он вдруг взволнованно произнес:

— Девочка моя, бери нож. Отныне дедушка будет учить тебя, как возделывать землю.

Небеса даровали им семена, но выращивание и забота о них — это наследие, передаваемое из поколения в поколение, рожденное потом и упорным трудом.

...

Сюэ Фэйфэн уложил Шэнь Цинжана на кровать в гостинице. Всю дорогу тот спал беспробудным сном. Несколько раз, любясь на берегу реки чудесным пейзажем, где лунный свет переплетался с сиянием светлячков, Сюэ Фэйфэн жалел, что им не удалось посмотреть на фонари в праздник Юаньсяо, и порывался разбудить Шэнь Цинжана, но в конце концов ему становилось жаль тревожить его сон.

Пока Шэнь Цинжань спал, Сюэ Фэйфэн в срочном порядке изменил свои планы. Лю Цзю наверняка был не единственным, кого послал Сюэ Лифэн. Он уже приказал Чан Баю уничтожить тело. Если не перехватить инициативу, за этой группой всегда придет следующая.

— Чан Бай, куда ведет горная тропа, по которой шел Лю Цзю? — спросил Сюэ Фэйфэн, не отрываясь от написания письма. — В Цзянчжоу? Похоже, их основные силы сосредоточены там.

Пришло время разобраться с тeneвым отрядом Сюэ Лифэна. Именно эти люди в свое время совершили покушение на Сюэ Фэйфэна.

— Отправляйся в Цзянчжоу и проведи тайное расследование. Выясни все до мельчайших подробностей и накрой их одним ударом. Если понадобится, можешь пустить слух о моем местонахождении, чтобы заманить их в ловушку, — Сюэ Фэйфэн запечатал красным сургучом письмо с приказом о мобилизации тайных войск. — Чан Мин, передай это письмо Чжан Хуайпу.

Чан Мин и Чан Бай, получив приказы, удалились.

Остался только Чан Суй. У него под глазами залегли тени, выдающие сильное истощение, словно он столкнулся с чем-то крайне изматывающим.

Сюэ Фэйфэн невольно задержал на нем взгляд:

— Что, Му Вэнькоу...

— Ваш подчиненный в порядке.

Сюэ Фэйфэн не стал больше расспрашивать:

— Как думаешь, каким ядом был отравлен Лю Цзю?

Чан Суй озадаченно нахмурился:

— Господин, когда я прибыл на место, у Лю Цзю не было симптомов отравления, скорее, полное оцепенение тела. Это больше похоже на действие сильного анестетика.

Что это за мощный анестетик, из-за которого человек лежал на земле парализованный, позволив Шэнь Цинжаню, который и курицы связать не может, сбежать?

Сюэ Фэйфэн постучал пальцами по столу. У Шэнь Цинжана просто не могло быть с собой анестетиков. Разве что кто-то тайно ему помогал.

Чан Суй прямодушно предложил:

— Почему бы генералу просто не спросить об этом... гос-госпожу?

Теперь они все знали, что Шэнь Цинжань — мужчина, и называть его «госпожой» было немного странно. В тот момент, когда Чан Мин и Чан Бай узнали правду, они почувствовали себя слепцами. Их названный младший брат, чью половую принадлежность было не разобрать, воспитывался рядом с ними двадцать лет, а они даже не смогли определить пол супруги своего командира.

Госпожа просто невероятен!

Особенно Чан Бай. Вспомнив, что он, вероятно, увидел Шэнь Цинжана в мужской одежде еще раньше своего господина, и как он пришел с повинной, даже Сюэ Фэйфэн потерял дар речи.

Почему бы не спросить Шэнь Цинжана напрямую?

Сюэ Фэйфэн не осмеливался.

Попросту трусил.

Шэнь Цинжань явно избегал этой темы. Любой нормальный человек перед тем, как вытащить его из ямы, спросил бы, как он вообще попал в плен, но Шэнь Цинжань не проронил об этом ни слова.

Теперь, когда вымышленная личность «двоюродного брата» была раскрыта, появление у Шэнь Цинжана двух коров, а также происхождение всех тех погибших кур и уток объяснить стало еще сложнее.

Сюэ Фэйфэн вспомнил, как в гостинице Шэнь Цинжань, играя роль кузена, бойко спорил с ним, доказывая, что обманом заставлял его заниматься фермерством исключительно ради блага «самой» Шэнь Цинжань.

Это казалось смешным. А что теперь? Как он выкрутится на этот раз? Шэнь Цинжань не обделен умом; более того, человек, способный с таким упоением сплести столь сложную паутину лжи, явно обладал живым умом.

Зачем было разрезать две картофелины, чтобы засадить ими два му земли? Какой в этом смысл?

Стоило разорваться одному звену лжи, как тут же обнажилась вся её подноготная. Но Сюэ Фэйфэн не стал допрашивать Шэнь Цинжана. Уж лучше он выяснит всё сам.

Сюэ Фэйфэн боялся, что из-за малейшей размолвки они разойдутся как в море корабли.

Когда Шэнь Цинжань проснулся, его живот уже успел проурчать трижды. Сюэ Фэйфэн обтер его, переодел, нанес на его пальцы мазь с экстрактом орхидеи, приготовил чай с закусками и уселся на краю кровати дожидаться его пробуждения.

Генерал клялся, что в процессе переодевания не смотрел туда, куда смотреть не положено.

Вот только уши у него почему-то горели все утро.

Проснувшись и увидев Сюэ Фэйфэна, Шэнь Цинжань, ни о чем не думая, первым делом взял его за руку и обиженно приник к его ногам, требуя еды.

«Большие паровые булочки», — написал он, все так же привычно выводя иероглифы где придется. Например, на бедре Сюэ Фэйфэна.

И только написав, осознал, насколько это неловко.

От старых привычек быстро не избавиться: он ведь уже мог говорить, но, казалось, бессовестно продолжал притворяться немым.

— Я... я не... — запинаясь, объяснил Шэнь Цинжань. — Маньтоу (пампушки)... маньтоу тоже сойдут.

Сюэ Фэйфэну тут же вспомнилось, как Шэнь Цинжань от голода чуть ли не ел землю, и его сердце сжалось от боли. В прошлый раз, уходя, он накупил Шэнь Цинжаню еды, разозлив его до такой степени, что тот надулся, как рыба-фугу, всем своим видом показывая, как несправедливо с ним обошлись. Но стоило ему отлучиться совсем ненадолго, как Шэнь

Цинжань дошел до того, что начал жевать корешки. Как тут можно было не волноваться?!

— Ешь все, что захочешь, — он поднес целый поднос изысканных десертов, от разнообразия которых у Шэнь Цинжана разбежались глаза.

Почему-то сейчас все выглядело так, будто это Сюэ Фэйфэн был его заботливой «женушкой».

<http://bllate.org/book/17933/2029536>